

плану. Централизованная организация пространства искажается, представляя в виде скопления, а производимое смещение отношений ведет к появлению множества локальных центров интенсивности и динамики коммуникации. Неравномерность самоорганизации неизбежна, но предсказуема, что облегчает управление ею, при должном такте со стороны управляющего. Несмотря на неравенство структуры сообщества, есть все предпосылки для создания общих правил его организации и развития, хотя конкретное исполнение в жизни реальных людей будет необходимо различаться в зависимости от их локализации. Наличие правил образования сообщества и открытость созданию новых сборок делает общественные науки подобием прагматичной грамматики, а структуру общественных отношений — подобием открытой периодической системы элементов. Вполне вероятно, что когда-нибудь такая модель социального знания в каком-то виде будет создана и использована.

А. В. Логинов

Трансформация идеологических систем

7 ноября 2012 г. в ИСПН УрФУ при участии уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой прошел круглый стол. Тематика круглого стола была посвящена новой национальной идее; в задачи круглого стола входило обсуждение возможных вариантов наполнения ценностного ядра новой российской идеологии. Основные допущения, разделяемые большинством ученых, выступивших на круглом столе, заключались в том, что: 1) никакой идеологии в современной России сейчас нет; 2) любая идеология должна быть связана с государственными структурами и быть тотальной (в смысле — претендовать

на целостность). Только один из выступивших участников отметил, что на самом деле мы живем в насквозь идеологичном обществе: по мнению этого ученого, в России победу одержала идеология либерализма в версии Ф. Хайека и задача думающих людей состоит в том, чтобы признать ее ущербность и поменять идеологические ориентиры — с помощью механизма государственной пропаганды.

Создается впечатление, что идеология (в который раз) возвращается в центр общественных дискуссий — но что мы должны понимать под идеологией сейчас? Следует ли нам воспроизводить аргументы сторонников деидеологизации и сторонников реидеологизации общественного сознания, прозвучавшие в знаменитом теоретическом споре 60–70-х гг. XX в., или же сам объект спора существенно изменился, возможно — вслед за изменениями в укладе жизни обществ поздней модерности? Удастся ли нам «поймать» идеологию в концептуальные сети классических теорий, предварительно обнаружив ее на привычном для себя «этаже» социального пространства? Другими словами, каким образом модель «текущей современности» (З. Бауман) соотносима с моделью идеологии, сформированной социальными теориями XIX — сер. XX в.?

Я полагаю, что, во-первых, на уровне теории существует пересечение (конфликт) требований, выводимых из двух разных картин общества применительно к идеологии, и причина «пересечения» состоит в аналитической привлекательности классических, удачно работавших в прошлом столетии моделей и подходов¹. Во-вторых, в рамках статьи я планирую сослаться на результаты эмпирического исследования, согласно которым «случай России» представляет собой удачный пример фальсификации обеих научных картин, о которых я собираюсь говорить далее. Результаты эмпирической части исследования также могут рассматриваться как стимул к более широкой дискуссии о способах производства,

¹ Логинов А. В. Онтологический статус идеологии в современности // Известия УрГУ. Сер. 3. Социальные науки. 2010. № 4 (83). Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2010. С. 15–29.

интерпретативных возможностях и месте социальной/политической теории в современности².

Типы идеологий. Классической для теории идеологии работой, в которой проведен формальный анализ идеологических систем и сформулированы критерии их типизации, является работа М. Селиджера³. По мнению Селиджера, понятие «идеология» применимо ко всем системам убеждений, независимо от того, будут ли эти системы руководить действиями, направленными на изменение, сохранение или разрушение политической реальности. «В качестве того, что управляет и влияет на политическое действие, идеология должна определяться лишь в отношении к системам политических убеждений безотносительно к тому, будут ли они революционными, реформистскими или консервативными при взгляде со стороны»⁴. Идеологии, по Селиджеру, — это ориентированные на действие совокупности убеждений, организованные в качестве систем. Составляющими любой идеологии будут следующие элементы:

- описание (description),
- анализ (analysis),
- моральные предписания (moral prescriptions),
- технические предписания (technical prescriptions),
- инструментарий (implements),
- отрицания (rejections).

Селиджер считает, что только на уровне формального анализа мы можем разложить идеологию на составные части. В реальности идеологии смешивают воедино анализ ситуации и описание действительности с моральным предписанием, основанным на ценностях; смешение фактического положения дел с моральным императивом, дополненное «техническим» вычислением эффективности, придает, согласно Селиджеру, идеологии

² *Меньшиков А. С.* Нужна ли кому-либо политическая философия? (Или, как теоретизировать политику?) // *Полис (Политические исследования)*. 2010. № 1. С. 83–102.

³ *Seliger M.* Ideology and Politics. London : George Allen & Unwin, 1976.

⁴ *Ibid.* P. 91–92.

привлекательность в качестве руководства к политическому действию. Инструменты идеологии представлены правилами, которые суть способы и пути выполнения «моральных обязательств» или «адаптации их к требованиям обстоятельств». Отрицание или «отклонение» (rejection) как структурный элемент позволяет любой идеологии позиционировать себя в качестве противоположной другим (идеологиям), следовательно, любая идеология, по Селиджеру, предполагает отказ от определенных принципов и идеалов для сохранения своей целостности. Отметим, что этот момент в рамках нашего исследования будет принципиально важен.

На основе подобного формального анализа элементов идеологии автор представляет и полное определение понятия: «Идеология есть совокупность положений, состоящих как из убеждений в чем-либо, так и отказа допускать что-либо, выраженная в ценностных суждениях, призывах (appeal sentences) и аргументации. Она предназначена служить относительно постоянной группе людей для того, чтобы оправдать на основании доверия к моральным нормам и до очевидности связной аргументации легитимность императивов и технических предписаний, которые должны обеспечить согласованное поведение, направленное на сохранение, изменение, разрушение или реконструкцию существующего порядка»⁵. В зависимости от того, какая ценность (совокупность ассоциативно связанных ценностей) содержится в моральном «ядре» идеологии, мы можем поместить тот или иной идеологический продукт в «ячейку» между левыми и правыми экстремумами.

Далее, согласно Селиджеру, идеология как система имеет два уровня — долгосрочный и оперативный, соответственно, идеологическая аргументация «...разбивается на два измерения: фундаментальные принципы, которые определяют конечные цели и общую перспективу их достижения, и оперативные принципы, лежащие в основании политики (действий) и оправдывающие их»⁶. Все элементы идеологии реализуются в обоих измерениях, но с разным акцентом: идеология оперативного уровня центральными делает

⁵ Seliger M. Ideology and Politics. P. 119–120.

⁶ Ibid. P. 109.

элементы расчета и эффективности (технические предписания), тогда как идеологии фундаментального уровня удерживают приоритет моральных норм. Поэтому второй критерий для типизации идеологий — это степень их ригидности, степень верности ценностным ориентирам. «Фундаментальные» идеологии тяготеют к моральному фанатизму, «оперативные» идеологии во главу угла могут поставить тактический успех, — допустим, победу на ближайших выборах за счет более «взвешенной» политической риторики. В любом случае, идеологические системы содержат в себе непротиворечивое ценностное «ядро», характеризующее политический интерес определенной социальной группы (класса) — и речь идет лишь о степени выраженности этих ценностей в *appeal sentences*. Такая классификация, на мой взгляд, вполне успешно выполняла свои задачи; по крайней мере, до тех пор, пока социальные теоретики не столкнулись с проблемой несовпадения принятой по умолчанию модели общества с самой социальной реальностью⁷ и не стали менять модель, привнося в нее черты процессуальности, текучести, децентрированности и т. д.

Теория идеологии должна была отреагировать на изменения в социальной онтологии. В 2009 г. на русский язык переведена книга Д. Шварцмантеля «Идеология и политика»⁸, в которой автор проводит различие между идеологиями классическими и идеологиями современного толка. Анализ, проведенный Шварцмантелем, позволяет дополнить классификации Селиджера еще одним критерием и в итоге сгруппировать на одном полюсе любые идеологии классического типа (как бы они потом ни дробились в зависимости от ценностного ядра и степени жесткости) и идеологии современные, обладающие принципиально иным режимом функционирования. Шварцмантель полагает, что главная особенность современной политики состоит в возникновении многочисленных свободно организованных движений, созданных по сетевой модели и имеющих похожую организационную структуру, но кардинально

⁷ Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 57–82.

⁸ Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков : Гуманитарный центр, 2009.

отличающихся тем набором идей, которые дали им жизнь. Эти движения, пишет Шварцмантель, «...успешно мобилизуют силы, которые раньше поглощали традиционные формы политической активности левых и правых, что, в свою очередь, свидетельствует о возникновении некоторого постидеологического общества, в центре которого лежат конкретные проблемы, а не масштабные картины общества»⁹.

Действительно, переход от логократии к видеократии на уровне политтехнологий, от статусной (классовой) стратификации к ситуативному (символическому) видению социальной структуры на уровне социальной онтологии, децентрация самой социальной структуры, ее функционирование по типу «сетей» и продолжающаяся в наши дни дифференциация социальной жизни существенно меняют режим конструирования и поддержки социальных пространства и времени, в том числе публичного пространства и политических проектов. Но постидеологическое общество в терминологии Д. Шварцмантеля — отнюдь не общество, свободное от идеологии вообще. Это общество, в котором происходит смена типов идеологии, осуществляется переход от идеологий классического типа («классические» идеологии масштабны по своим задачам, связаны с государством, предполагают действие в рамках крупных институтов, выражены в программах политических партий, базируются на экономически вычисляемом сегменте социальной структуры (класса)) к идеологиям нового типа, которые, в свою очередь, молекулярны, партикулярны, внесистемны, организованы по принципу сетей, локальны по типу поддержки (идентичности) и по провозглашаемым требованиям. К первому типу идеологий в рамках этого разделения Шварцмантель предлагает отнести, например, коммунизм, фашизм, национализм, ко второму типу — феминизм, энвайронментализм, движения за религиозную и культурную идентичность. Шварцмантель пишет: «Огромное количество квазиидеологических движений свидетельствует о существовании более молекулярных и менее тотальных

⁹ Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 274.

идеологий. Они (движения. — *А. Л.*) сигнализируют — идеологии, которые доминировали на протяжении всей новейшей истории, потеряли связь с конкретными современными проблемами, решение которых требует новых политических сил... Как бы то ни было, они не указывают ни на гибель идеологии, ни на потерю ею своей значимости, а скорее на абсолютное господство неолиберализма и необходимость сформировать некую глобальную идеологию, которая была бы направлена против доминирующей идеологии и смогла бы объединить “молекулярные” движения протеста со стороны свободно организованных сетевых движений»¹⁰. Аргументы в защиту тезиса о победе неолиберализма в рамках статьи специально рассматриваться не будут. Сам неолиберализм в логике Д. Шварцмантеля можно определить как парадигму рыночных отношений и материальных благ в применении ко всем аспектам социальной жизни; в основе парадигмы — идея глобального рынка, редукция ценности человека к его потребительским возможностям и преобладание измеряемых критериев при описании продуктивности общественных институтов¹¹.

Подчеркнем еще раз: перспектива ближайшего будущего социальных систем в рамках теории Д. Шварцмантеля не является постидеологической перспективой в строгом смысле слова, поскольку состоит в замещении старых идеологий новыми, или, по аналогии с теорией А. Грамши, подразумевает рекомбинацию идеологий: перемещение «старых» идеологий на периферию общественной жизни¹². На мой взгляд, позиция Д. Шварцмантеля хорошо иллюстрирует заявленный нами в начале статьи «конфликт» требований и делает это тем удачнее, чем сильнее намерение автора совместить обаяние идеологий классического типа с принципиально новыми условиями для политического действия. С одной стороны, Д. Шварцмантель описывает переход к новому типу идеологий как неизбежный процесс, с другой — заявляет о недостаточности новых молекулярных идеологий именно

¹⁰ *Шварцмантель Д.* Идеология и политика. С. 275–276.

¹¹ Там же. С. 284.

¹² Там же. С. 281.

потому, что они «легковесны» и не претендуют на новую масштабную картину лучшего общества, картину, в которой люди, надо полагать, по-прежнему нуждаются: «...значимость “несерьезных” идеологий заключается в том, что они обеспечивают часть — но только часть — столь необходимого для политической жизни процесса идеологического и политического обновления»¹³. Идеологии нового типа, по Шварцмантелю, должны соединиться с элементами идеологий традиционного типа, находящихся в оппозиции к доминирующему неолиберализму, и образовать мощный кулак новой (претендующей на масштабность изменений) контр-идеологии: «Чтобы достичь такого результата, критическую мощь новых идеологий нужно совместить с более систематизированными и исторически обоснованными идеями, присущими “старым” оппозиционным идеологиям левого крыла»¹⁴.

Итак, с одной стороны, на уровне социальной онтологии мы имеем модель общества, в которой социальная структура размыта, политическая жизнь фрагментирована, публичные пространства виртуализованы, сборка социальности происходит по типу сингулярностей. С другой стороны, в качестве причины такого положения дел мы называем победу неолиберализма (в России — крайне радикальной его версии) как самой успешной из классических масштабных идеологий Запада. Далее, мы фиксируем появление в социальной реальности идеологий нового типа, но заявляем, что эти «легковесные» идеологии не справляются с решением таких задач, которые в свою очередь уместнее поставить в рамках совершенно другой социальной онтологии, а именно модели общества как структурированной тотальности¹⁵. Наиболее вероятным вариантом развития ситуации в Западной Европе Д. Шварцмантель считает появление идеологических гибридов, способных противостоять неолиберализму, а в случае с Россией уместно предположить (если следовать высказываниям на круглом столе), что

¹³ Шварцмантель Д. Идеология и политика. С. 283.

¹⁴ Там же. С. 302.

¹⁵ Лаклау Э. Невозможность общества // Логос. 2003. № 4–5. С. 54–57.

с доминирующей идеологией мы настолько свыклись, что попросту не замечаем ее интерпелляций.

Ценностная и идеологическая дифференциация политических партий Российской Федерации. Если допустить, что идеология неолиберализма (в версии Ф. Хайека) в России является доминирующей, а по своему типу — «классической» (т. е. использует ресурсы государственных институтов), то следует ожидать актуализации ее ценностей в риторике партии власти. Результаты эмпирического исследования¹⁶ показывают обратное: наиболее четкая либеральная идеологическая платформа — у оппозиционной партии, а политические программы подавляющего большинства партий, боровшихся за места в Государственную Думу РФ в 2011 г., представляют собой идеологический микс, трудно совместимый даже с локальными идеологиями «нового типа», обнаруженными Д. Шварцмантелем в современной Западной Европе.

Таким образом (по крайней мере, на уровне официальной политической риторики партий), в рамках классического политического публичного пространства борьба идеологических систем в России не прослеживается. Далее, «победившая» идеология неолиберализма, во-первых, не ассоциируется в нашей стране с партией власти и, во-вторых, в концентрированном виде не содержится ни в одной политической программе. Наконец, ни классификации Селиджера, ни классификации Шварцмантеля последовательно применить к российскому политическому пространству попросту невозможно: за исключением идеологии либерализма (!), которая выражена оппозиционным «Правым делом» и могла бы (с некоторыми оговорками) быть отнесена по режиму функционирования к идеологиям «современного типа» (!) (Шварцмантель),

¹⁶ Эмпирическое исследование (контент-анализ программ политических партий РФ по состоянию на 2011 г.) проведено моими коллегами в рамках выполнения работ по проекту ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, мероприятие 1.2.2., соглашение № 14.A18.21.0514. Результаты исследования представлены на круглом столе, организованном в ИСПН 21 ноября 2012 г.: URL: <http://ispn.urfu.ru/main/anonsy/anons/article/politika-pod-mikroskopom-vid-v-razreze>.

большинство политических программ в качестве своего «ядра» имеют повторяющийся сплав достаточно противоречивых ценностей, а потому говорить о какой-либо идеологической *связности* политических проектов, нормативном *различии* в программах и *принципиальности* идеологических позиций (Селиджер) на примере политических партий РФ в настоящее время не представляется возможным. Следует ли из этого вывод о конце идеологий в России либо вывод о том, что в стране изменился режим производства политического пространства и поэтому идеологии нужно искать в другом месте и другими средствами — вопрос для дискуссии и дальнейших исследований.

О. С. Мантуров

Процессуальная теория социальной структуры

Данная статья посвящена проблеме выработки принципиально нового подхода для описания и исследования социальных структур, в котором остро нуждается современное обществознание. Кризис обществознания в наши дни обнаруживает себя на разных уровнях. Речь идет, во-первых, о неспособности социальных теорий удовлетворять самих людей, незауалированными формулировками описывать процессы, происходящие в современном мире, давать однозначные прогнозы общественного развития, а во-вторых, о необходимости появления методологии универсального типа, отвечающей как нуждам самого общества, так и становящемуся постклассическому этапу современной науки в целом. Задача преодоления этого кризиса будет актуальна для социальной науки еще не один год. Системный кризис, охвативший нашу страну в 90-е гг. прошлого века, не мог не отразиться и на науке. С одной стороны, обществу больше не нужны социальные теории, не отвечающие динамике его развития (а именно такие теории